

На правах рукописи

003446619

Симонова Вероника Витальевна

**ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РАЗЛИЧНЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ**

Специальность 23 00 02

Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Москва - 2008

22 СЕН 2009

Диссертация выполнена в Центре исследования межнациональных отношений
Института социологии РАН

Научный руководитель

доктор социологических наук
Мукомель Владимир Изявич

Официальные оппоненты

доктор социологических наук, профессор
Маликова Наиля Рамазановна

кандидат социологических наук
Аксенова Ольга Владимировна

Ведущая организация

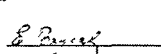
Социологический институт Российской
академии наук (СИ РАН),
сектор истории российской социологии

Защита состоится «08» октября 2008г в 14 00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 002 011 02 в Институте социологии РАН по адресу
117218 г Москва, ул Кржижановского, д 24/35, к 5, ауд 303

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН

Автореферат разослан «06» сентября 2008г

Ученый секретарь Диссертационного совета
Кандидат философских наук

Е Ю Рождественская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Различное восприятие социального и географического пространства принимающим населением и приезжими становится важным фактором распространения ксенофобных настроений, серьезным препятствием успешной адаптации мигрантов к социальной среде локальных социумов. Особое значение приобретает дифференциация социальной среды районов выхода и вселения, а также сложившиеся в процессе социализации мигрантов социально-культурные традиции интерпретации пространства. Повседневное восприятие пространства мигрантами, сближение практик его интерпретации местным населением и мигрантами становится одним из ключевых факторов процесса взаимной интеграции.

Другой проблемой является то, что современные мегаполисы становятся все менее пространственно гомогенными, представляя собой совокупность существенно отличающихся районов, привлекательность которых весьма различна, причем каждый район отличается не только типом обитателей, но и типом случайно встречаемых чужеземцев, посещающих его или следующих через него. Свобода передвижения в границах города превратилась в наше время в главный стратифицирующий фактор¹. Анализ повседневных практик восприятия опасности тех или иных территорий города и выработки «безопасных» маршрутов приезжими позволяет осознать специфику разных стадий адаптации к среде российского мегаполиса.

Наконец, повседневное восприятие пространства является одним из компонентов конструирования этнической идентичности в современном российском обществе. Обращение к проблеме интерпретации пространства студентами, представителями малочисленных народов в различных социально-культурных средах (Санкт-Петербурге и районах традиционного обитания) обусловлено несколькими причинами: существенной дифференциацией среды их традиционного обитания и условий мегаполиса, значительными различиями

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. - М. Логос, 2005. С. 111-112.

социокультурных традиций и практик между этими мигрантами и принимающим населением, различием социокультурных практик до и после приезда в мегаполис

Социологический анализ пространственных интерпретаций представителями малочисленных народов, вписанных в различные социокультурные среды, позволяет проанализировать значимые тенденции трансформации современного российского общества в условиях глокализации, глубже понять такие социальные феномены, как идентичность, социально-политические интенции и фреймы современного толкования и социальной утилизации традиционной культуры

Степень научной разработанности проблемы

Данное диссертационное исследование посвящено пространственным интерпретациям повседневной жизни представителей малочисленных народов Севера. Фокусом исследования являются интерпретации географического и социального пространств в различных социокультурных средах

Тема пространства, пространственной организации и пространственных социокультурных интерпретаций является малоизученным феноменом в поле российской науки. В. А. Тишков отмечает, что «российские пространства пока не охвачены аналитическим взглядом представителями нашей профессии»². «Пространство» – это болезненная, важная тема общественной коммуникации, пишет российский социолог пространства А. Ф. Филиппов. П. Бурдьё отстаивает точку зрения, что социальная наука есть не что иное как «социальная топология» и должна быть соотнесена с репродукцией социального пространства³. По мнению датского антрополога К. Хаструп, современные исследования все более углубляются в проблематику пространственных отношений и в будущем этот интерес будет только расти.

Анализ пространственных интерпретаций малочисленных народов Севера также находится вне поля академического интереса социологов, тогда как социологическое осмысление социально-политических интерпретаций

² Тишков В. А. Реквием по этносу. - М.: Наука, 2003. С. 278.

³ Бурдьё П. Социология социального пространства. - СПб.: Алетейя, 2005.

пространства необходимо для изучения современного российского общества в условиях глобализации и локализации. Социальные интерпретации пространства во многом могут помочь осмыслить такие социальные процессы, как «культурный номунизм», когда современное общество предпочитает динамику статике, и мобильность индивидов и социальных групп определяет их шансы на успех (З. Бауман), и «дисплейсмент» (А. Алпадуран) - отсутствие социального прикрепления к одной географической точке.

Подобный методологический подход поможет провести научный анализ социальной и культурной жизни малочисленных народов Севера в современном мире, поможет глубже понять такие социальные феномены как идентичность, социально-политические интенции и фреймы современного толкования и социальной утилизации традиционной культуры.

В российской науке подобной тематике не уделялось достаточного внимания. На сегодняшний день можно говорить о росте научного интереса к современной жизни индигенного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока России (А.О. Бороноев, А.А. Бурыкин, Н.Б. Вахтин, П.Я. Гонтмахер, С.В. Соколовский, А.В. Смоляк, Ч.М. Таксами, А.А. Сирина и др.), однако проблемы пространственных интерпретаций российского Севера остаются вне поля зрения социологов и социальных антропологов. Среди работ, касающихся данной проблематики, можно выделить работы следующих исследователей российского Севера, Сибири и Дальнего Востока (Д. Андерсон, А. Блок, Н. Вахтин, П. Витебский, А. Кинг, П. Ретман, Д. Костер, О. Хабек, К. Хамфри, П. Швайцер и др.).

Социология пространства и пространственных интерпретаций является перспективным методологическим направлением, позволяющим лучше понять особенности социальной организации и деятельности индивидов.

Социокультурная трактовка практик включения физического пространства в жизнь сообществ имеет методологическую ценность при исследовании повседневной активности индивидов.

В зарубежных социальных науках подобным теоретическим вопросам уделяется большое внимание. Изучением пространства занимается социология, социальная (культурная) антропология, гуманитарная (социальная) география.

Среди теоретических построений изучения пространства и пространственной организации можно выделить следующие основные направления: неомарксистское понимание креативности пространства (Дж. Арри, Э. Гидденс, Д. Грегори, А. Лефевр, Д. Мэсси, М. де Серто, Д. Харвей), антропологическое понимание креативности места (place making) (К. Бассо, П. Бурдьё, М. Родман, Н. Ловет, Э. Холл), энвайронментальное понимание ландшафта и локальности (П. Видал де Ла Блаш, Ф. Дескола, С. Джетт, Т. Ингольд, Й. Фугтван, Э. Хирш). Социально воображаемое понимание пространства и локальности в условиях глобализации рассматривалось Б. Андерсоном, А. Аппадурани, А. Гупта, М. Кастельсом, К. Касторпадином, Дж. Фергюсоном, М. Фуко, Э. Хобсбаумом.

Данная тематическая классификация не является статичной. Например, вопросы дискурсивного конструирования места напрямую связаны с проблемами социальной идентификации и культурной принадлежности индивидов к социально-географическому контексту «Чувство места», о котором пишет Д. Мэсси, также затрагивает вопросы почттики и рассматривает понятие культурного «наследства», которое, в том числе, было освещено Э. Гидденсом и Э. Хобсбаумом.

Интерпретации пространства тесно связаны с проблемами восприятия времени и толкованием культурного прошлого, а также воображаемой идентификацией и глобализацией. Глобализация никак не является унификацией; напротив, глобализация социальных отношений является источником разнообразного географического развития, и в итоге, все эти процессы связаны с воображаемой историей места, которая является продуктом множества слоев как локального, так и глобального контекста.⁴ Э. Хобсбаум, в свою очередь, выделяет функции социального прошлого как формализованного социального прошлого, гораздо более «сурового» с того момента, как оно устанавливается в качестве моделей настоящего.⁵

⁴ Massey D. Space, Place and Gender. Minneapolis: Blackwell Publishers, 1994. P. 156.

⁵ Hobsbaum E. J. The Social Function of the Past // Past and Present, No 55, 1972. P. 4.

Пространственно-временная организация сопряжена с социокультурными интерпретациями пространства места Э Гидденс, например, предлагает рассмотреть исторический фрейм предыдущих эпох, которые находились под властью сезонного детства, однако никто не мог сказать о времени без пространственной привязки «где?»⁶ О пространственных метафорах в языке также писали Д. Лаофф и М. Джонсон. Концепция места, как мифического и иллюзорного узла,⁷ если использовать понимание Д. Мэсси, находит свое отражение в работах Э. Гидденса и Э. Хобсбаума. Так Э. Гидденс пишет о шотландских клангах, которые имеют культурный смысл неразрывный с «вековой» традицией локальной идентичности, хотя являются продуктом изобретения XVIII в. И. Гофман также затрагивает вопросы воображаемой идентичности с точки зрения театра социальных ролей и их соотношения с локальным контекстом.⁸

Проксемический подход Э. Холла рассматривает проблематику социальных ролей, отраженных в пространственной организации, что также можно проследить в работах П. Бурдьё. В данном ключе проксемический подход ведет к дискурсивному пониманию локальности А. Алпадуран и М. Фуко.

Т. Ричардсон и О. Дженсен выступают за соотношение дискурса и пространства, и аргументируют культурно-ориентированное понимание «пространственности» социальной жизни. Пространство выступает одновременно в качестве материала для социального производства пространства и одновременно его основанием-артиоп, которое сочетает в себе как практики, так и символические значения. Социальные агенты, в свою очередь «прикрепляют» эти значения к окружающей среде.⁹ Дискурсивное понимание пространства основывается на социокультурной дифференциации и распределении социальных смыслов. Пространство, таким образом, является социальным продуктом, нагруженным политической идеологией.

Понимание пространства от территориальности (А.С. Ахиезер) до дискурсивности (М. Фуко) охватывает широкий диапазон проблем.

⁶ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford University of Stanford Press. 1990. P. 17-22.

⁷ Massey D. Space, Place and Gender. Minneapolis: Blackwell Publishers, 1994. P. 89.

⁸ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.

⁹ Richardson T., Jensen O.B. Linking Discourse and Space: Towards a Cultural Sociology in Analyzing Spatial Policy Discourses // Urban Studies, Vol. 40, No. 1. 2003. P. 10.

социокультурных интерпретаций Пространство и идентичность диалектически взаимосвязаны

Д Лей анализирует пространство дома, как идентичность жильца, где дом выполняет функцию символического ландшафта индивида, который располагается в системе координат социального неравенства. Посредством концепции реципрокации (П Бурдьё, Б Малиновский) и диалектики, Д Лей предлагает дислокальный анализ отношений людей и мест. Так, дом не будет являться лишь символическим выражением индивидуальности, поскольку человеческая жизнь подразумевает социальный опыт и вовлеченность других, индивид социален, он формируется и развивается посредством символических интеракций.

Пространство не является статичной категорией и не может анализироваться лишь с позиции территориальности. Пространство является продуктом социокультурной креативности и социокультурного воображения, а также политическим конструктом.

В российской социологии, социальной антропологии и гуманитарной географии изучение пространства в основном связано с географическими образами. Культурный ландшафт понимается в эколого-социальном ключе (где природно-географические условия и «культура сообществ людей» рассматриваются как «целое») и анализируется как результат воздействия человека на природный ландшафт. «Природное» и «культурное» выступают в диалектическом соотношении друг с другом (Ю А Веденин, Д Н Замятин, В Л В Н Каганский, Т М Красовская, М Е Кулешова, В В Куклина, И И Митин). Социология пространства также представлена в работах А С Ахизера, А Т Бикбова, Л Е Бляхера, В В Вагина, С В Герасимовой, О Е Трущенко, А Ф Филиппова, Н А Черняевой, С А Чуйкиной. По отдельным аспектам исследования близкими по разрабатываемой теме исследования являются работы Л М Дробизевой, С В Соколовского, В А Тишкова.

Объектом исследования являются представители малочисленных народов в различных социокультурных средах.

Предметом исследования являются социальные практики интерпретации пространства представителями малочисленных народов Севера.

Цель исследования - рассмотреть влияние социокультурной среды на интерпретацию пространства представителями малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

В задачи диссертационного исследования входит:

- анализ теоретических подходов к пониманию пространства, места,
- анализ практик освоения пространства в среде мегаполиса (Санкт-Петербург) и в национальных сетях Хабаровского края, относимых к территориям компактного проживания малочисленных народов (Владимировка, Спикачи-Алян, Найхин, Даерга, Джарп, Дажун, Кондон, В Эконь),
- исследование вариативности пространственных интерпретаций и их влияния на локальную идентичность,
- изучение пространственного фрейма интерпретаций времени и исторического прошлого,
- изучение дискурсивного конструирования процессов культурного ренессанса и их привязки к конкретным местам, как ведущих тенденций обращения к культурным корням

Гипотезы исследования заключаются в следующем

- социокультурная среда определяет пространственные интерпретации и оказывает влияние на выбор маршрутов перемещений в географическом и социальном пространстве индивидов и социальных групп
- социокультурные аспекты идентичности находят свое пространственное выражение в повседневной жизни. Фреймы пространственных интерпретаций являются результатом вовлечения в социокультурную среду
- академический и образовательный дискурсы «места» оказывают сильное влияние на культурную идентичность представителей малочисленных народов Севера
- интерпретации пространства связаны с интерпретациями времени, выступающего в качестве «идеализированного прошлого» и «материального» свидетельства «живой» культурно-исторической идентичности

Теоретико-методологические основы исследования составляют подходы к изучению социальных, политических и культурных аспектов пространства, места, локальности и ландшафта, разработанные в трудах А. Аппадуран, П. Бергера, П.

Бурдье, Э Гидденса, Д Грегори, Э Дюркгейма, Дж Комарофф, Дж Комарофф, И Копытофф А Лефевра, Т Лукмана, М Мосса, Д Мэсси, Д Фергюсона, М Фуко, Д Харвей, Э Хотта, а также исследовательские подходы Б Андерсона, В де Ла Блаша, М Вебера, А Геннепа, К Гирца И Гофмана, Т Ингольда, Дж Мида, М Мерло-Понти, А Шютца

Феноменология А Шютца, П Бергера, Т Лукмана, феноменология восприятия М Мерло-Понти в сочетании с гуманитарным подходом В де Ла Блаша к географическому ландшафту предлагает посмотреть на место не как на отдельный объект, но как на символическое отношение к ландшафту. Каждое место должно быть рассмотрено феноменологически в его отношении к контексту. Феноменология открыла перспективу интерсубъективности как социальной модели человека. Место стало рассматриваться в его сочетании с фактами и ценностью, выстраивая компромисс между объективностью карты и субъективностью опыта. Необходимо анализировать пространственные факты в отношении к индивидам и социальным группам¹⁰. Проксемический анализ Э Хотта дополняет феноменологию места и позволяет рассмотреть культурно-пространственный аспект повседневности.

Временное и пространственное давление соотносится с движением и коммуникацией в пространстве, с географической эластичностью социальных отношений и индивидуального опыта. Концептуальный вопрос пространственной организации заключается также в поле социального неравенства, то, что можно обозначить как «власть геометрии»¹¹. В эпоху глобализации становится важным вопросом то, каким образом люди думают о местах, каким образом понимают и переживают «локальный контекст». Й Ф Туан определяет место как социальный конструкт, которое не поддается количественному измерению и не является универсальной категорией¹².

Идентичность места (Д Мэсси) конструируется посредством обращения к «перевернутой», внутренне ориентированной истории, которая обращается в

10 Ley D. Social Geography and the Taken for Granted World // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series, Vol 2, №4. 1977. Pp. 498-512.

11 Massey D. Space, Place and Gender. Minneapolis: Blackwell Publishers. 1994. P. 89.

12 Tuan Y. F. Senses of Place // Western Folklore. Vol 56, №1, 1997. Pp. 92-94.

прошлое, к усвоенным моделям происхождения. Однако нельзя говорить об идентичности места как о наследственной категории: она возникает, в первую очередь, как реакция на локальность.¹³

М. Фуко выделяет «реальные места» и «фундаментально нереальные пространства». Гетеротопия (дискурсивное пересечение пространства и времени) является общим архивом (general archive) поскольку инкорпорирует желание заключить в одном месте все времена, все эпохи, все формы.¹⁴ Дискурсивно гетеротопии встроены в культуру и социальную структуру общества. Музеи являются одним из ярких примеров гетеротопии, символическим посланием миру о заключенных в одном месте многочисленных эпохах, материально и пространственно выраженных. Габитус места П. Бурдье представляется системой диспозиций, связанных с территорией и воображаемым ландшафтом, который из локальной перспективы постепенно переходит в национальную сферу, и становится общепринятым и социально разделяемым нормативным императивом.

Пространство и место можно понимать как продукты человеческой деятельности и воображения (Б. Андерсон, А. Лефевр, Д. Харвей). Если создание мест есть способ конструирования прошлого, тот священный инструмент, которым творится человеческая история, то это также является и средством конструирования социальной традиции и идентичности.¹⁵

А. Аппадурани считает пространственное измерение одним из проблемных комплексов. Проблема места есть скорее проблема культурно-определенных локальностей, и место продуцирует значение, а значение может быть встроено в него. А. Аппадурани вводит понятие «этноскейпа», под которым он понимает «ландшафты групп с общей идентичностью, которые некогда были связаны определенной территорией, сообществами или городами. В современном глобализирующемся мире группы находятся в постоянном движении, постоянно переопределяя самих себя». Пространство понимается не как «пространство мест», но как «пространство течений» (А. Аппадурани, М. Кастельс). Под течениями

¹³ Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration. Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001 www.metropolis.net

¹⁴ Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*, Vol. 16, № 1, 1986. Pp. 22-27.

¹⁵ Basso K. H. *Wisdom Sits in Places: Landscapes Among the Western Apache*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1996.

понимаются, например, миграции, информационные потоки или движение товаров

3 Бауман рассматривает современное общество как следствие «рванца» номадического общества у оседлого. Современное общество больше не нуждается во властно-политической модели, организованной по принципу паноптикума (М Фуко). Паноптическую модель политических отношений сменяет синоптическая, где динамичность и мобильность выступают гораздо более важными структурирующими факторами, чем жесткое пространственное прикрепление (З Бауман).

Концепции культурной коммодификации, социокультурного понимания аутентичности места (В Н Давыдов) также используются для анализа эмпирической базы исследования. Процессы социокультурного присвоения пространства и превращения его в культурный ландшафт имеют под собой политические и экономические основания и актуальны в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока¹⁶.

Изучение этнической идентичности и миграции, социально-политических процессов пост-советской культурной дислокальности (С В Буркин, Л М Дробинцева, В И Мукомель, М Я Рожанский, В А Тишков, Е Р Ярская-Смирнова) также связано с проблематикой интерпретации пространства и места.

«Место» имеет свой собственный «характер», который не зависит от географических границ, но связан с переживанием социального и культурного опыта места. «Птенники мест» (А Гупта, Дж Фергюсон) и создатели (creators) пространства (Д Харвей, А Лефевр, К Касториадис) являются социологическими концептами, которые, находясь в диалектической взаимозависимости, предлагают новое видение проблем интерпретации пространства, интерпретации временной и географической протяженности. Социальные и культурные тенденции постсоветского периода не могут быть адекватно поняты и изучены в отрыве от дискурсивно-локального контекста и феноменологического осмысления социокультурной интерпретации пространства.

¹⁶ Давыдов В Н, Карбаитов Н И, Симонова В В. Цепшева В Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов Хабаровск. Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н И Гродекова. 2006.

Методика работы включает анализ литературных источников на русском, английском языках. Также было рассмотрено несколько источников на немецком и норвежском языках. Основную методику исследования составляют следующие методы: социологии: наблюдение, биографические, структурированные, полуструктурированные и глубинные интервью (время каждого интервью варьируется от 30 минут до 6 часов), фокус-группы, анкетный опрос (с целью выявления потенциальных информантов для дальнейшей исследовательской работы), сбор и анализ тематических сочинений. Также был проведен анализ личных документов (видео-фильмы, фотоальбомы).

Составление первоначальной анкеты, техника взятия интервью и работа с личными документами проводится с учетом методологических комментариев П. Бурдье, С. Пинк, В.В. Семеновой, Дж. Маркуса, М. Фишера, В.А. Ядова.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты обработки и анализа следующих экспедиционных и полевых материалов:

- 103 глубинных интервью (65 кассет по 90 мин), с представителями малочисленных народов Севера
- 50 неструктурированных интервью со студентами из числа малочисленных народов Севера, проходящих обучение в университете им. А.И. Герцена в Санкт – Петербурге, жителями национальных сел Хабаровского края
- 2 фокус-группы со студентами из числа малочисленных народов Севера, проходящих обучение в университете им. А.И. Герцена в Санкт – Петербурге
- 40 тематических сочинений на тему «образ моего народа»
- анкетный опрос 42 респондентов (весь первый курс РГПУ им. А.И. Герцена), с целью выявления потенциальных информантов и социальных сетей для последующей качественной исследовательской работы
- наблюдение, ведение полевых заметок

Материалы были получены в процессе сбора полевых данных в г. Санкт - Петербурге в общежитии института народов Крайнего Севера (ИНКС). Дополнительные материалы были собраны в университете Технологии и Дизайна и в Потярной Академии в 2001 – 2005 гг. Также материалы были получены в экспедициях 2002 г., 2004 г. в Хабаровском крае - в Нанайском районе, Солнечном

районе, районе им Потшины Осипенко, Хабаровском сельском районе Сбор материала осуществлялся в селах (Владимировка, В Эконь, Даерга, Джари, Джуен, Кондон Найхин, Сикачи-Алян, Троицкое)

Научная новизна исследования:

- расширено методологическое понимание социологических и социально-антропологических категорий пространства, места,
- проанализированы пространственные интерпретации информантов в контексте различных географических и социокультурных сред, проведен сравнительный анализ понимания пространства и влияния пространственных интерпретаций на локальную идентичность и повседневные практики,
- изучена роль академического и образовательного дискурсов в процессе интерпретации исторического прошлого и «культурного наследия» и связанного с ним локального контекста,
- выявлены процессы культурного ренессанса и утилизации истории как основы конструирования локальной идентичности

Положения, выносимые на защиту:

1 Пространственные интерпретации являются социокультурными конструктами, и «естественность пространства» социально и культурно обусловлена

2 Освоение культурного ландшафта мегаполиса определяется социальной средой и ее локализацией. Интерпретация географического и социального пространства обусловлена «символическими барьерами», нарративами о страхах и стереотипами социального взаимодействия в различных средах

3 Дискурсивное конструирование этнической идентичности связано с локальным контекстом и продуцируется системой образования. Профессиональные знания студентов - северян, получаемые в мегаполисе (этнография, культурология, лингвистика) формируют представления об образе жизни и локальном контексте

4 Процессы культурного ренессанса, характерные для индигенных народов Севера, базируются на ретроспективном сценарии повседневности

Перформанс культуры основывается на социальной интерпретации «места», «исторического прошлого» и «культурных корней»

5 Идеализация традиционной культуры включает такие элементы как археологические памятники, музеи, составные ландшафта Социальные процессы культурного ренессанса невозможны без апелляции к локальному контексту

Апробация положений диссертационного исследования

Результаты данного диссертационного исследования были представлены в 20 публикациях общим объемом 21 п.т (см «Список публикаций»), а также в виде докладов, подготовленных для всероссийских и международных научных конференций «Возможности и границы использования социологических методов и социальных технологий в современном обществе» (Санкт - Петербург, СПбГУ, факультет социологии 14-15 ноября 2002 г.), «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Батнии» (Санкт - Петербург, СПбГУ, факультет социологии 9-10 декабря 2002 г.), «Культура и менталитет населения Сибири» (Санкт - Петербург, СПбГУ, факультет социологии 22-24 октября 2003 г.), «Социальное и культурное пространство города» (Санкт - Петербург, СПбГУ, факультет социологии 27-28 октября 2004 г.), «Ментальность этнических культур» (Санкт - Петербург, СПбГУ, факультет социологии 9-10 июня 2005 г.), «Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования» (Иркутск, Иркутский государственный технический университет, 9-24 мая 2007 г.) В том числе результаты исследования представлялись на 5-м и 6-м конкурсах научных работ памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» (2004, 2005), статьи «Интерпретация социальной среды Петербурга студентами-северянами» (2004), «Гражданское общество = права человека + право культуры» (2006) заняли призовые места на конкурсе работ молодых ученых «Ресурсный центр» факультета социологии СПбГУ (2005), статья «Социальная драма культуры и интеграционные стратегии индигенных народов в современном обществе» получила призовое место, на конкурсе молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета (2003) Статья «Перформанс обрядности как этнокультурный парадокс» (2004) получила первое место в категории «аспиранты» в области гуманитарных наук

По результатам исследования также были проведены семинары совместно с Давыдовым В.Н. «Коренные народы Сибири: самопрезентация, перформанс и аутентичность» (Норвежский национальный технический университет, институт социальной антропологии, Тронхейм, Норвегия, 20 октября 2005 г.) и «Интерпретация пространства» (Центр исследования Сибири, Исследовательский институт им. Макса Планка, Хале, Германия, 26 января 2006 г.)

Практическая значимость

Результаты, представленные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при разработке региональных целевых программ (национальной политики, молодежной политики, культуры, образования) и в законотворчестве по вопросам, касающимся коренных малочисленных народов Севера. Результаты исследования могут также использоваться для разработки конкретных социальных и образовательных проектов, направленных на адаптацию и интеграцию представителей малочисленных народов Севера в высокоурбанизированной среде. Полученные результаты можно использовать в учебном процессе при подготовке следующих курсов: «социология пространства», «социология миграции», «этнополитическая конфликтология», «социология социально-политических институтов», «социология Севера».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» предлагается общая характеристика работы, обосновывается ее актуальность, рассматривается уровень и степень разработанности проблемы, определяется объект и предмет исследования, обосновываются исследовательские цели и задачи. Характеризуются основные теоретико-методологические подходы, эмпирическая база исследования, определяются положения, выносимые на защиту, выдвигаются аргументы методологической и практической значимости результатов и выводов исследования.

В Главе I «Основные методологические подходы к исследованию пространства в социальных науках» анализируются основные теоретические подходы к исследованию пространства в социально-политическом и социокультурном контексте. Рассматривается понимание «культуры» как академического концепта. Доказывается, что понятие «культуры» все больше связывается с научным осмыслением «локального» и «пространственного» контекста.

В §1 первой главы «Динамика аналитического понимания культуры: от «хололизма» к «пространственности»» рассматриваются социологические и социально-антропологические концепты культуры, которые представляли и меняли академический взгляд на культуру и структуру социальных наук о культуре.

Понимание культуры от широких теоретических моделей, предложенных такими классиками как К. Клакхон, Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, К. Леви-Стросс, Т. Парсонс, Э. Причард постепенно сменяются интерпретативными вариативными моделями, зависящими от контекста (Х. Арендт, К. Гирц, Э. Хоббс).

Современное понимание концепта культуры аналитически зависит от понимания пространства и места. Отношение людей к «месту» уже давно рассматривалось в антропологической концепции культуры (А. Гупта, Дж. Фергюсон, К. Хаструп). А. Аппадураи, например, понимает глобализацию, как процесс детерриторизации и дисплейсментов при исследовании различных социальных групп и сообществ.

Понятие культуры в современном научно-теоретическом плане должно быть сопоставлено с локальными тенденциями, и процессы культурной коммодификации (П. Джексон, Э. Кастен, И. Копытофф) являются центральными в анализе любой культурной ситуации сегодняшнего дня.

Аналитический концепт «времени» также является неотъемлемым звеном в процессе понимания культурных и социальных процессов локальности и глобализации. С помощью данного концепта можно сконструировать свой собственный объект – дикая, примитивность, «Другого» (Фабриан 1983).

В §2 первой главы «Основные теоретические концепции изучения пространственной организации в социологии, социальной антропологии,

гуманитарной географии» анализируются основные методологические подходы к исследованию пространства, места, локальности и ландшафта в социологии, социальной антропологии и гуманитарной географии

Невозможно отделить «социальное» от «пространственного», «географического», «экологического» и «временного» Социальные отношения индивидов вписаны в структуру окружающего пространства Пространство «окружает» социальные отношения, но с другой стороны, социальные отношения формируют окружающее пространство в его физическом, культурном и дискурсивном восприятии Изучение пространственной организации, по мнению Э Холла, является ключевым компонентом анализа культуры, поскольку позволяет детально проанализировать модели использования пространства, которые люди принимают как само собой разумеющиеся, как имплицитно встроенные элементы

Д Харвей видит в пространстве «естественность», вытекающую из принятия смыслов обыденного знания (common-sense meanings) Пространство является результатом множества социальных действий и практик

Архитектура пространства берберского дома, тщательно проанализированная П Бурдьё, демонстрирует социальные отношения, субординацию и отражает особенности как религиозного видения так и социальной структуры общества Э Гидденс рассматривает исследования П Бурдьё в рамках временной географии и связывает ее с властными отношениями, социальной и системной интеграцией

М Мерто-Понти анализирует восприятие пространства как ситуативное По мнению М де Серто, пространство есть не что иное, как история, повествование или нарратив о жизни людей и социальном контексте А Лефевр пишет о пространстве как о репродукции социальных отношений Пространства трансформируются и выполняют определенную функцию «программирования» социального поведения и повседневная жизнь буквально «колонизирована» пространственной организацией

Поль Видал де Ла Блаш считается основателем гуманитарной географии как научной дисциплины Он отстаивал точку зрения, что ландшафты являются результатом свободной (choice-making) деятельности социальных групп

Д Мэсси ставит сложные вопросы переосмысления нашего чувства места в контексте глобализации. Феноменология восприятия М Мерло-Понти описывает отношения между телом и его миром. П Бергер и Т Лукман описывают опыт индивида, как одновременно и тела, и объекта, обладающего телом.

М Фуко говорит о гетеротопиях, местах сосредоточения социально-политических интерпретаций времени и пространства (к гетеротопиям М Фуко относят, например, музеи и кладбища).

Современные дефиниции географических регионов, границ, социальной топологии напрямую связаны с концепциями постколониализма и глобализации и новое осмысление и переосмысление пространства в том числе, как «пространства течений» (М Кастельс) не может оставаться без должного внимания (А Аппадуран, А Гупта, Дж Фергюсон, К Хаструл).

В § 3 первой главы *«Некоторые современные подходы к исследованию повседневной жизни народов Севера»* рассматриваются исследования, проведенные за последние десять-пятнадцать лет, делается попытка проанализировать теоретический дискурс исследований индигенных народов Севера зарубежной и российской наукой.

Содержание работ российских ученых, в значительной части, посвящается общим проблемам хозяйства, землепользования, утраты языковых навыков и культурных ценностей (П Швайцлер). Культура представлена как «чистота» ускользающего момента, который отдаляет каждое последующее поколение от «чистой» традиции, и, как следствие, каждое поколение все больше «теряет», по сравнению с предыдущим. Западная и российская науки стремились создать свой «образ» индигенных групп. «С девятнадцатого века появление романтизма в России привело к тому, что сентиментализм сменило восхищение «благородным Тунгусом», что является своего рода вариантом «гордого Ирокеза» (П Швайцлер).

Понятия «современного» и «традиционного» также являются обсуждаемой темой в современной науке, о чем свидетельствует интерес зарубежных ученых к феномену адаптации эссенциалистских концепций в процессе изучения культур народов Севера (А Блок О Хабек).

Вопросы «идентичности» и «национальности» рассматривались с точки зрения схемы построения отношений с «другими» народами, а также собственного позиционирования в поле рыночных отношений (Д. Андерсон, К. Хамфри). Диалектика «дикости» и «цивилизации», «культуры» и «природы», Пространство тундры как медиатор между «дикостью» индигенных групп и «цивилизированным» пространством русских анализируется А. Кингом, П. Ретманн, П. Витебским.

А. Б. Островский, Е. С. Новик рассматривают социально-культурные процессы у малочисленных народов Севера с точки зрения структуралистского подхода. В своих исследованиях З. П. Соколова рассматривает статус коренных малочисленных народов Севера в современном российском обществе, А. А. Сиряна уделяет внимание трансформации этнической идентичности эвенков.

Процессы «романтизации» культуры, столь актуальные сегодня, остаются без должного внимания исследователей, но именно они теснейшим образом связаны с такими социальными феноменами как национализм, культурная идентичность, презентация.

В Главе II «Пространство мегаполиса: социокультурный ландшафт студентов-северян» рассматриваются особенности восприятия среды г. Санкт-Петербурга молодыми мигрантами из числа малочисленных народов Севера, приехавшими в город с целью получения высшего образования. В главе анализируется дискурс интерпретаций городского культурного ландшафта и социальной среды мегаполиса студентами-северянами.

В § 1 второй главы «*Культурный ландшафт города: описание социальной топонимики*» рассматривается дискурсивное освоение городского пространства и факторы, влияющие на «маршруты» студентов-северян. Под маршрутами понимаются дискурсивные социальные практики освоения физического пространства и интерпретации социального пространства. Некоторые «маршруты» являются нарративно обусловленными.

Дискурс «центра», городской архитектуры, музеев как свидетельства «культурности» города является фоновой частью освоения городского пространства. На начальном этапе знакомства с Петербургом студентам-северянам помогает университет.

Основным пространственным фокусом Петербурга студентов - северян является их общежитие и университет, а также досуговые места, которые располагаются в сравнительной близости к общежитию. Микромир общежития создает свой собственный культурный ландшафт, который одновременно определяет комфорт и барьер дальнейшему освоению городского физического и социального ландшафта. В параграфе предлагается описание «вернакулярной» географии общежития и связанных с ней повседневных практик. Рассматриваются маршруты географических маршрутов и интерпретаций социальной среды мегаполиса, выработанные информантами в результате совместного проживания в общежитии.

Центральный район города нередко выступает в качестве «символа» Петербурга. Освоение центрального района представляется более важной задачей, чем освоение других районов г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Ориентироваться в Санкт-Петербурге для большинства информантов означает ориентироваться в центре города и в районе, где располагается их общежитие. Для некоторых информантов остается проблематичным освоение города, они плохо ориентируются в физическом пространстве Петербурга, и даже на старших курсах не всегда хорошо осваивают городское пространство. Иногда информанты говорили, что испытывали, на первый взгляд, несколько необоснованный страх к большому городу. Они плохо знали город и не стремились его осваивать. Вечерние прогулки с друзьями ограничивались небольшим радиусом по уже традиционно сложившемуся маршруту.

В § 2 второй главы *«Интерпретация социального пространства мегаполиса»* рассматриваются и анализируются модели восприятия социального пространства города, то, как студенты-северяне воспринимали, оценивали и говорили о жителях города. В параграфе рассматриваются коммуникативные модели, применяемые в процессе общения с жителями города, процессы выстраивания социальных стратегий информантов. Характерной моделью интерпретации социальной среды мегаполиса является сравнительная модель с местом предыдущего проживания и Москвой. Опыт взаимодействия с москвичами и петербуржцами способствует выстраиванию сравнительных паттернов

социальных сред г Москвы и г Санкт-Петербурга. Взаимодействие с жителями двух городов, в основном, происходит в общественном транспорте. Схема «*если спросишь, как пройти*» является базисной единицей анализа восприятия жителей Москвы и Петербурга студентами-северянами, исходя из которой, формируются предпочтения и симпатии той или иной социальной среды. Большинство информантов положительно отзывались о социальной среде г Санкт-Петербурга, которая, по их мнению, значительно выигрышнее по сравнению с московской социальной средой. Упор делался на то, что г Санкт-Петербург – это «культурная столица России» и жители города соответствуют этому статусу. Однако некоторые информанты говорили совершенно противоположные вещи. Москва гораздо больше располагала этих информантов в сравнении с г Санкт-Петербургом, а москвичи представлялись как более «культурные», нежели петербуржцы.

Географические маршруты в городе во многом строятся в зависимости от интеграции в социальную среду общежития и академическую среду вуза. Ориентация в социальном пространстве города отражается в коротких нарративах студентов – северян об их контактах с жителями города. Большая часть нарративов о встречах с жителями города относится к повседневной жизни в общежитии, существующим этническим стереотипам, а также случайных, по мнению информантов, бесед на дискотеках и в ночных клубах.

Ориентирование в социальном пространстве города ограничивается деятельностью националистических группировок, которые создают серьезный барьер формированию более разнообразных географических маршрутов студентов – северян в г Санкт-Петербурге, затрудняя тем самым их социальную интеграцию.

В § 3 второй главы «*Интерпретация ночного пространства города*» рассматривается временная структура социальных практик, основанная на ночном времени суток. Основная цель параграфа – это постановка проблемы изучения социального восприятия ночи и связанных с этим пространственных интерпретаций, т.к. социальные практики студентов-северян смещаются на ночное время.

В параграфе рассматриваются экономические и досуговые практики, связанные с ночным временем, а также осуществляется попытка социологического

описания ночи Концепция ночи связана с пространственной интерпретацией. Различные социокультурные контексты порождают различное понимание ночи и по-разному влияют на социальные практики мигрантов – северян.

Рядом со студенческим общежитием есть место, которое студенты называют «пьяной дорогой» (дорога к бару). Эта дорога обретает свой символический смысл с наступлением темноты. Интерпретации пространства ночного города и ночной среды предыдущего места жительства пересекаются, и мигрант воспринимает социальный контекст мегаполиса, в том числе, опираясь на предыдущий опыт «ночного видения» пространства.

Автором рассматриваются нарративы о ночных практиках студентов-северян, их повседневное «знание ночи». В социологии попытки анализа ночи носят редкий и фрагментарный характер. Автор аргументирует, что изучение восприятия ночи и социальных ночных практик нуждается в глубоком социологическом осмыслении. Автор проводит параллель между социальной интерпретацией ночи, идентификацией места и чувством страха.

В § 4 второй главы *«Символические ограничения географических маршрутов, чувство места и чувство страха»* анализируются нарративы о месте и повседневных географических перемещениях. В параграфе анализируются представления о сакральных местах и особенностях переживания географического пространства. Подобный фольклор приобретает статус «страшных историй» в молодежной среде студентов-северян и интерпретируется несколько иначе в большом городе.

Представления о природе, как о «живой», «одухотворенной» и гармоничной экосистеме меняются, когда студенты-северяне попадают в среду мегаполиса. Информанты допускали «детение» природы на две качественно различные субстанции: естественную и искусственную.

Информанты интерпретировали чувство страха соответственно месту их нахождения. Страх обладает социальным характером и определяет как географические, так и социальные маршруты информантов. В г. Санкт-Петербурге, например, студенты-северяне стараются обходить те места, где, по их мнению, могут находиться представители националистических группировок.

Этноскейпы мифологических персонажей природного ландшафта (нарративы о духах мест) и улиц мегаполиса пересекаются, а географический контекст выступает скорее культурным конструктом, нежели статичным условием окружающей среды. Маршруты, ограниченные «страхом шума» и «страхом тишины» демонстрируют социальные отношения сквозь призму интерпретации пространства.

В § 5 второй главы *«Локализация этнической идентичности и пространство ее дискурсивного конструирования»* анализируются нарративы этнической идентичности студентов-северян и их научно-дискурсивные основания. Предлагается анализ конструирования локальной идентичности посредством системы образования, где этническая идентичность выступает как дискурсивно-локальный феномен.

Выводы, сделанные в данном параграфе, вытекают из материалов тематических сочинений, проведенных среди первокурсников кафедры культурологии. Лейтмотивом практически для всех нарративов является понимание информантами «культуры» как утраченной ценности. Говорить о сегодняшней жизни людей для большинства информантов означает говорить о «прошлом», об исторических «корнях». Только два нарратива касались проблем современной жизни (деликатесная оленина, ставшая дороже говядины, пожелание социального развития региона, где будет все «как в нормальных округах»). В одном сочинении информант заметил, что, возможно, его текст не соответствует «нормам ответа». Подобное замечание наводит на размышление о том, что существуют «правильные» и «неправильные» модели о том, «как» и «что» следует или не следует говорить и писать о вопросах культуры и повседневной жизни.

Система образования является транслятором подобных моделей и часто представляет образ «другого» посредством эссенциалистских концепций, которые проявляются в нарративах о народах Севера, как о «бэвременнох детях природы» (А. Блок). «Вопросы крови» и репрезентация «инаковости» являются основными составляющими этнической идентичности у опрошенных студентов – северян в Петербурге. Ориентацию на прошлое как на идеальную модель идентичности можно соотнести с концепцией примордиальных связей индивидов, социальной группы и культуры. Вместе с высшим образованием молодые люди получают

«культурное образование», своего рода «культурное отношение к культуре» Знание профессии оборачивается знанием «правильного образа жизни»

Дискурс образования в мегаполисе выявляет проекцию локальной идентичности на новый повседневный уклад студентов-северян У студентов-северян утрачивается привязка к конкретному месту Традиционное знание утратило свои «географические координаты», но его можно получить, как такое другое знание, в крупном городе Глокализация культуры для индигенных народов Севера обернулась ретроспективной интерпретацией этнической идентичности, этнической истории

В главе 3 «**Локальный контекст практик интерпретации пространства и культурного ренессанса**» анализируются попытки реконструкции традиционных праздников и обрядов на локальном уровне, освещаются такие социальные процессы как «культурный ренессанс», «формирование идентичности места», «перформанс ритуалов» и «ретроспективный сценарий повседневности»

В § 1 третьей главы «*Культурная биография средств передвижения-социальное формирование этнознания местности*» рассматриваются пространственные практики и связанные с ними социальные отношения на примере социокультурных функций лодок и мотоциклов

Современные исследования в культурной географии и феноменологии ландшафтов положили начало тенденциям пересмотра конструктов отношений между местом и идентичностью Благодаря ряду концепций перемещения (displacement), как эмпирически верифицированных феноменов, «вещи» рассматриваются как материальное свидетельство социальных отношений и, прослеживая их «культурную биографию» (А. Аппадурани, И. Копытофф, Н. Ссорин-Чаиков), можно проанализировать социальный контекст и культурную ситуацию

В национальных селах Хабаровского края широко используются лодки и катера для передвижения по рекам Амур и Амгунь Сегодня лодки обладают не только утилитарной функцией, но играют важную роль в социальной жизни сел Деревянные лодки становятся символом «мастерства», а также атрибутом спортивных соревнований Железные катера и мотоциклы рассматриваются как

«социальные машины», помогающие поддерживать социальную организацию деревень. Престарелые жители села, особенно женщины, не имеющие навыков вождения, нуждаются в поддержке молодежи, в социальные обязанности которых входит помощь в транспортировке пожилых людей, так же как и «доставка» сверстников в ночной клуб и обратно. «Игра с мотоциклами» является важным элементом социализации подрастающих жителей села. Лодки и мотоциклы выступают в качестве *посредников*, которые «транспортируют» людей не только в географическом, но и в социальном и культурном пространствах.

В §2 третьей главы *«Идеология архива и культурная пропаганда в постсоветском локальном музее»* рассматривается принцип генеалогии власти в понимании М. Фуко в локальном музее. В данном параграфе музей рассматривается как пространство-пересечение сакрального, мистического и политического. Социальная роль музеев приобретает все большую значимость для индигенных сообществ. Процессы культурного ренессанса и политическая стратегия музеев являются взаимосвязанными тенденциями. В параграфе анализируются принципы осуществления социального контроля посредством конструирования прошлого и утилизации истории. Идеология архива есть логика написания «истории» и «контр-истории» посредством репрезентации материальных объектов, как доказательства исторических событий и традиционной повседневности. Политика культурного ренессанса в данном параграфе анализируется в терминах *культурного обладания*, которое проявляет себя через обладание материальными предметами-доказательствами особенной культурной традиции. Музей – пространство дискурсивных границ, материальное воплощение которых есть структурирование экспозиции по принципу национальной принадлежности, где этничность выступает структурирующим принципом экспозиционного пространства.

В §3 третьей главы *«Социальные парадоксы культурной реконструкции»* рассматриваются реконструкции таких традиционных ритуалов как «медвежий праздник», «кормление огня», а также театральные постановки, включающие такие сюжеты как «шаманский танец», танец «невесты Амура» и «детские игры». В данном параграфе делается акцент на социальной интерпретации

реконструируемых сюжетов традиционной культуры и вовлечение таковой в поле социально-экономических практик

Концепция перформанса открывает возможность анализа эссенциалистского толкования локальной идентичности - от обыденного сознания до академического дискурса. Современные процессы культурного ренессанса связаны с процессами романтизации культурного прошлого как модели повседневной жизни. Реконструкция «традиционных» обрядов, транслируемая публичным и образовательным дискурсом, интерпретируется информантами одновременно как символический сценарий и как «аутентичный пошгон» политической и социальной видимости локальной группы.

В § 4 третьей главы *«Пространственные интерпретации культурного прошлого»* локальный контекст выступает в качестве дискурсивной практики. В параграфе используется метафора культуры как «машины времени», которая является утопичным концептом повседневности, отражающей представления информантов о «настоящей культуре». В параграфе предлагается анализ «этнокультурных мастерских», где изготавливаются сувениры. Дискурс этнографии играет важную роль для мастеров, поскольку он обеспечивает вещи «легитимностью значений». Вещь не так ценна, как заключенная в ней мифологическая нагрузка, заимствованная из этнографических источников и мастерские превращаются в «фабрики культуры».

«Традиционное прошлое» подвергается социальному переосмыслению, и нередко следование «историко-традиционным» паттернам поведения интерпретируется как неоспоримая ценность и «панацея» от насущных современных социальных проблем.

Археологические памятники, петроглифы, расположенные на берегу р. Амур, интерпретируются с оттенком мистицизма. Они становятся объектами локализации культурного прошлого.

В данном параграфе анализируется этнографический пример из работы М. Харриса, повествующий о «культе груза», который является метафоричным отражением феномена «культурного ожидания». Представления о культуре, транслируемые этнографией и системой образования и являются тем сказочным

«грузом», который будет обязательно доставлен, благодаря стараниям ученых, общественных деятелей и национальных активистов. Ретроспективный вектор идентичности всегда связан с локальным контекстом, пониманием «наследства» и «корней». Представления о культуре, основанные на эссенциалистских концепциях, выполняют роль фантастической машины времени, осуществляющей транспортировку в прошлое готовых ответов на вопросы сегодняшнего дня.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, очерчивается круг проблем для дальнейшей исследовательской работы.

Интерпретации пространства в различных социокультурных средах выявляют такие важные социокультурные процессы как формирование локальной идентичности, ретроспективный сценарий повседневности, утилизация традиций.

В диссертационной работе был представлен анализ теоретических подходов к пониманию пространства, места, вариативности пространственных интерпретаций и их влияния на локальную идентичность.

Процессы культурного ренессанса, идеализации традиционной культуры, характерные для малочисленных народов Севера, базируются на ретроспективном сценарии повседневности, социальной интерпретации «места», «исторического прошлого» и «культурных корней». Время получает пространственную компоненту, оно «материализуется» посредством практик интерпретаций пространства и становится свидетельством этнокультурной идентичности представителей малочисленных народов Севера.

Интерпретация географического и социального пространства города обусловлена нарративами о «страхах», переживаемых в различных социокультурных средах. Перемещение в социокультурном пространстве мегаполиса опосредовано интерпретацией пространства предыдущего посещения. Дискурс «места», транслируемый системой образования, формирует этнокультурную идентичность представителей малочисленных народов Севера в мегаполисе. Музеи способствуют политизированию пространства, поскольку представляют историю в ее «естественном» состоянии.

Практики интерпретации пространства представителями народов Севера можно охарактеризовать как институционализирующиеся социальные практики,

поскольку они формируют социальные определения «культуры», «наследства», и «обладания прошлым» Все это ведет к выстраиванию новых форм социальных и межэтнических отношений в современном российском обществе

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в следующих публикациях:

Монография

1) Симонова В В Аппинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы присвоение культурных ландшафтов Хабаровск ДВО РАН, издательство Гродековского музея, 2006 – 192с (12 п л) В соавторстве с Давыдовым В Н, Карбаиновым Н И, Цепищевой В Г

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК РФ

2) Симонова В В Транссиб путь в жизни жизнь в пути // СоцИс, № 5, 2007 (12 п л)

3) Симонова В В Культура как машина времени интерпретация пространства // Журнал социологии и социальной антропологии № 3, 2006 (16 п л)

4) Симонова В В Научно-практическая конференция «культура и менталитет населения Сибири // СоцИс, № 5 2004 (01 п л)

Публикации по теме диссертации в других изданиях

5) Симонова В В ./ Возможности и границы использования социологических методов и социальных технологий в современном обществе Тезисы научно-практической конференции СПб 2002 (01 п л)

6) Симонова В В В соавторстве с Давыдовым В Н Студенты-северяне в Петербурге // Записки Гродековского музея Выпуск 6 / Отв ред Рубан Н И Хабаровск, 2003 (05 п л)

7) Симонова В В В соавторстве с Давыдовым В Н Место шаманизма в жизни современных нанайцев / Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в

странах Балтии Материалы международной научной конференции СПб, 2002 (0 4 п л)

8) Симонова В В В соавторстве с Давыдовым В Н Студенты-северяне в Петербурге Мобилизация северной идентичности // Сибирь Проблемы сибирской идентичности / Ред А О Бороноев, СПб 2003 (0 5 п л)

9) Симонова В В В соавторстве с Давыдовым В Н Традиционные религиозные представления нанайцев современная ситуация // Культура и менталитет населения Сибири Тезисы Международной научно-практической конференции / Отв ред А О Бороноев, СПб 2003 (0 2 п л)

10) Симонова В В Локальность и семантика пространства // Записки Гродковского музея Выпуск 7 / Отв ред Рубан Н И Хабаровск, 2004 (0 6 п л)

11) Симонова В В Геометрическое пространство Петербурга (на примере студентов из числа малочисленных народов Севера) // Социальное и культурное пространство города СПб 2004 (0 1 п л)

12) Симонова В В Интерпретация социальной среды Петербурга студентами-северянами // Тревоги и надежды моего поколения ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи начала XXI века. Сборник статей участников Пятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г В Старовойтовой «Галатея» / Под ред В В Костошева, СПб 2004 (0 5 п л)

13) Симонова В В Драматургия индигенности и трансформация культуры в контексте современности // ментальность этнических культур Материалы международной научной конференции / Ред И Ф Кефеш, СПб 2005 (0 3 п л)

14) Симонова В В Социальная драма культуры и интеграционные стратегии индигенных народов в современном обществе // Интеграция, коммуникация, управление / Отв ред В Н Троян, СПб 2005 (0 5 п л)

15) Симонова В В Феномен современного шаманизма (На примере материала собранного в нанайском районе Хабаровского края 2002, 2004) // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии Сборник статей по итогам II международной научной конференции / Сост А Ю Григоренко, А М Прилуцкий, СПб ООО Светоч, 2005 (0 3 п л)

16) Симонова В В Экономические практики современных этнофоров «эксплуатация» традиционного знания (на примере малочисленных народов Севера) // Этносоциальные процессы в Сибири Выпуск 7 / Отв Ред Ю В Попков, Новосибирск Сибирское научное издательство, 2006 (0 3 п л)

17) Симонова В В Люди, лодки, мотоциклы культурная биография средств передвижения // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона Всероссийская научно-практическая конференция Том 1 / научный ред Ц Ц Чойропов, Улан-Удэ ВСГТУ 2006 (0 3 п л)

18) Симонова В В Перформанс обрядности как этнокультурный парадокс // Проблемы сибирской ментальности / Ред А О Бороноев СПб Астерион, 2004 (0 6 п л)

19) Симонова В В Гражданское общество = права человека + право культуры // Теория и практика становления и развития гражданского общества в России / Ред М М Соколов СПб Норма 2006 (0 6 п л)

20) Симонова В В Колонизация утопий // Байкальский археологический проект Этноистория и археология Северной Евразии теория, методология и практика исследования / Отв Ред А В Харинский Иркутск Издательство Иркутского государственного технического университета, 2007 (0 3 п л)

Подписано в печать 02 09 2008

Заказ 458 Тир. 100 экз , объем 1 4 п л

Копировальный центр «Восстания -1»

Санкт-Петербург, ул. Восстания, 6-11